

УДК 316.61:32; 316.7:32
DOI: 10.17223/1998863X/35/18

И.В. Кирдяшкин, В.Г. Скочилова

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ⁴

Культурно-символический контекст политической социализации выступает как среда, структурирующая восприятие политического мира и опосредующая представления о характере властных отношений. В статье представлены исследования структурных особенностей политической ментальности студенческой молодежи и ее релевантности современному культурно-символическому контексту политической социализации, в том числе его региональному измерению.

Ключевые слова: политическая социализация, культурно-символический контекст, политическая ментальность, молодежь.

Политическая социализация содержит в себе процесс продуцирования политического мира, адаптируя его к современности. Средством для этого процесса служит сознание, которое совершает отбор. Воспринимать сознанием, считал А. Бергсон, значит выбирать, работа сознания состоит в этом различении [1. С. 187]. При этом сознание, организующее действие, всегда обременено «скрытыми» феноменами, которые определяют данный выбор. У М. Ришира опыт субъекта, мир его эмоций, аффектов составляют пространство проявления фантазии как «тектонической» основы конституирования разных форм организации феноменального мира [2. С. 222–223]. Сознание, организуя мир феноменов, включает в себя содержание среды собственного существования. Как считают исследователи, живое и его окружающая среда совместно и взаимно конституируют друг друга [3. С. 41]. Человеческое Я и его опыт находятся в постоянном «взаимопроникновении» с пространством исторического бытия, продуктами своего творчества, природным миром.

Средством выражения этого «взаимопроникновения» выступает в том числе имеющий свою историю и смыслополагание символизм культуры. Он несет в себе значение коммуникативного средства, опосредующего представления о характере властных отношений и политическом мире. При этом культура составляет проявление деятельностного начала человека, «сопротивляющегося» энтропии в организации своей жизнедеятельности. Культура, считает Э. Мадзарелла, представляет своеобразную «узду» для энтропии, присущей антропогенезу как части эволюции разных форм жизни, в которой происходит «естественный отбор» [4. С. 62–63]. Культура выступает средством конструирования политического мира и властных отношений с целью вписывания их в трансформирующийся контекст социальных отношений, личного мира человека, природной эволюции. Культурно-деятель-

---

⁴ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-13-70001.

ностное направление психологического подхода в исследованиях политической социализации определяет то, что культура предстает как ведущая линия социализации, формирующая сознание и самосознание человека, его личностную активность [5. С. 42–43].

Культура, подразумевая в себе способность отличения «своего от чужого», «плохого от хорошего», прекрасного от безобразного, формирует отношение к политическому миру, внося априорное знание о нем как наборе архетипов, схем мышления, ценностей. Продуцирование политического мира через культуру сопряжено с реконструкцией культурной традиции, воспроизводящей основы политического порядка, и с развитием инновационного потенциала культуры, делающим политику способом формирования новых состояний социума, норм социальных коммуникаций.

В условиях социальной аномии и роста стилей жизни, с одной стороны, границы между традицией и новацией, различиями в культуре становятся неустойчивыми, подверженными смешению, мерцанию, стиранию. С другой стороны, появляются новые синтезы, иницирующие новые линии разграничения «своего и чужого», «хорошего и плохого» в образцах политической социализации. Например, возникает феномен «изобретенной» традиции. Э. Хобсбаум, описывая феномен «изобретения традиции», определяет его как совокупность общественных практик ритуального или символического характера, целью которых является преемственность во времени [6. С. 48].

Как отмечает А.И. Щербинин, культура в политической социализации нацелена на репродукцию стереотипов восприятия политического мира. Вместе с тем такие формы воздействия культуры, как образование, в частности политическое, могут содержать в себе элемент инновационного прорыва, формировать навыки критического восприятия политического мира [7. С. 172–173]. Эти навыки дают возможность переосмысления, совершенствования политических механизмов как ресурсов адаптации социума к турбуленциям современности. Культура в форме образовательных практик и стратегий может иметь большое значение в политической социализации молодежи, ее нацеленности на адаптацию политического мира. Направленность содержания практик и технологий культурно-образовательных процессов представляет важную составляющую управления конструированием человеком политического мира в политической социализации.

Культурно-символическая политика открывает возможности конструирования политического мира в расширяющемся информационном пространстве, составляя ведущий ресурс «смысловых противостояний» в глобальной политике. Он формируется, прежде всего, гуманитарным компонентом образовательного комплекса страны. В этом отношении растет значение тех регионов, которые имеют потенциал развития необходимых образовательных ресурсов. Среди них – томский регион, имеющий образовательную направленность, нацеленную на ценности постоянного обучения, развития. Высокая концентрация научно-образовательной инфраструктуры позволяет позиционировать томский регион как источник инновационного развития, «обучающийся регион» (см.: [8. С. 114–123]). Это позволяет в качестве фактора развития региона использовать направленность на продуцирование новых знаний, новых представлений о мире в целом и политическом мире в частности.

При этом идентичность «обучающегося региона» подразумевает две амбивалентные тенденции в динамике социально-политической ментальности молодежи. Одна из них определяет более тесную связь с различными системами функционирования региона, мира в целом, что потенциально связывает студенческую молодежь не только с региональной культурой отношений, но и с теми проектами организации жизнедеятельности, которые приходят из глобального мира, где уровень культурных различий значительно больший, чем в регионе. Это определяет большее давление факторов хаотизации, влияние разных культурных тенденций, в том числе деструктивных.

Другая тенденция, исходящая из фактора постоянного «обучения», определяет неустойчивость, постоянные обновления, разрывы социально-политической ментальности человека, находящейся под воздействием постоянных информационных вызовов ей как механизму сохранения целостности политических взглядов и ориентаций. Прежде всего, это относится к студенческой молодежи региона, подверженной наибольшему воздействию со стороны проектов его трансформаций и «обучающихся режимов» как элементов позиционирования в глобальном обществе.

Исследование ментальности томской студенческой молодежи и ее релевантности современному культурно-символическому «контексту» политической социализации было осуществлено в рамках экспериментальной части проекта. Приоритетными задачами эмпирического исследования стало определение устойчивых ценностно-символических конструкторов и паттернов политической ментальности, а также выявление динамики структур упорядочивания политического мира в переживаниях социализирующегося агента. В комплексном исследовании приняли участие студенты 1–4-го курсов бакалавриата и 1-го курса магистратуры социально-гуманитарного, технического и естественнонаучного профилей подготовки Национального исследовательского Томского государственного университета и Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

В качестве основного метода исследования, позволяющего определить и изучить структуру политической ментальности, был избран метод исследования жизненных переживаний социализирующегося агента, погруженного в определенный «контекст». Феноменологическая методология позволила изучить, как студенческая молодежь переживает политический мир, как видит себя в нем, в том числе и в региональном измерении.

Так, исследование было осуществлено в форме феноменологического опроса, что представляется наиболее релевантным целям и задачам исследовательского проекта (см.: [9. С. 27]). Совершенствование методики определялось задачами развития содержательной части феноменологического опроса, учитывающей актуальное состояние социально-политической сферы России и томского региона, модернизацией процедур обработки и анализа качественных данных, включающей выработку критериев систематизации и категоризации материала опросов, совершенствование схем интерпретации.

В процедуре анализа данных мы опирались на последовательность, предложенную А.М. Улановским [10. С. 130–150]. Схема анализа переживаний студенческой молодежью политического мира включает в себя: целостное

ознакомление с описанием/текстом; выделение смысловых доминант – значимых повторяющихся утверждений об изучаемом переживании; преобразование и группировка смысловых единиц в кластеры смыслов, упорядоченных терминологически; формулировка и интерпретация «структурного описания» изучаемого переживания.

Проведенный феноменологический опрос переживания мира политики позволил выделить следующие активные смысловые кластеры исследуемого переживания, составляющие структуру политической ментальности в ее глобальном, российском и региональном диапазонах.

Обобщенное восприятие политики и власти. Переживание власти носит двоякое описание от навязывающей волю структуры, до функциональной системы, реализующей гражданские интересы. В ней сосуществуют как верховная единоличная власть, подавляющая людей и одновременно с этим заботящаяся о народе, так и коллективное начало власти – закрытая группа, управляющая людьми и процессами. Метафорически власть представляется респондентам как мощная, сильная, управляющая рука, что дополняется представлениями о власти как об обезличенном иерархизированном «механизме» управления и контроля над социальными процессами. В целом, власть рассматривается как зона ответственности за реализацию макрогрупповых интересов. В описании власти респонденты отталкиваются от идеального представления о ее демократических основах и социальной ориентированности.

Ощущения политики в описаниях респондентов пропорционально разделили аудиторию на «интересующихся» и «не интересующихся» политикой. Интерпретация ответов о политической жизни общества обнаруживает, что политика в представлениях студентов аморальна, тогда как власть воспринимается оправданным насилием и принуждением, что делает ее «моральной».

В представлениях опрашиваемых российская власть персонализирована (Путин), как и коллективная составляющая власти имеет конкретное выражение: Правительство, Единая Россия, Государственная дума и пр. Реже в ощущениях респондентов российская власть имеет неопределенный характер, тем не менее признаются ее сила и авторитет.

Символическая составляющая региональной власти напрямую связана с центральной властью, тем самым опрашиваемые представляют зависимость региональных властей от федерального центра. Что характерно, региональная власть, по преимуществу, носит абстрактный характер и в представлениях опрашиваемых «не существует».

Политика и власть в повседневной жизни. Эклектичный характер представлений студенческой молодежи г. Томска о политике и политических процессах опосредует восприятие политического измерения повседневной жизни. Характерно, что студенческая молодежь парадоксально не связывает текущую политику с действиями российских федеральных и региональных властей. При этом респонденты осознают, что политические решения влияют на их повседневную жизнь. Ведущие позиции в регулировании жизнедеятельности отдаются федеральной власти, тогда как влияния на их жизнь со стороны региональных властей респонденты не ощущают.

«Я» в политике и власти. Немалое количество респондентов уверены в своей способности повлиять на власть через установленные законом формы выражения политической воли. Также несанкционированные и незаконные акты борьбы рассматриваются как возможный и допустимый способ повлиять на социально-политические процессы.

Отметим в целом, что в представлениях о политическом мире и своем месте в нем, определяющих двойственные, разнонаправленные оценки и отношение к политическому, бинарные конструкции не выступают базовыми направляющими культурными схемами. В само- и мироощущении студенческая молодежь ориентируется на «подвижные» и ситуативные схемы, «становящиеся» коды политико-культурной идентификации, разнообразие которых предлагает современное глобализирующееся пространство.

Обобщенное восприятие регионального/российского/глобального пространства. Нередко студенческая молодежь ощущает «замкнутость» регионального пространства, не видя перспектив для профессиональной деятельности и самореализации за рамками образовательных учреждений. В целом, региональный аспект по представлениям студентов имеет культурное и физическое измерения, посредством которых Томск включается в российское и глобальное пространства. Экспортируемые вовне природные богатства и полезные ископаемые, ландшафтные и климатические особенности, с одной стороны, и архитектурно-музейный и научно-образовательный комплекс – с другой, формируют образ Томска как части России и глобального мира одновременно. При этом акценты расставляются в страновом измерении через языковую принадлежность и комплекс традиций, в глобальном – через научно-образовательную деятельность.

Интересными, на наш взгляд, являются представления томского студенчества о взаимосвязи глобального и российского пространства. Не разграничивая их сущностно, респонденты описывают характер отношений «российского» и «глобального» ощущением страха и угрозы. Уточним, что угроза воспринимается, в равной степени, как внешняя, так и внутренняя. Угроза военного конфликта, социально-экономической дестабилизации и кризиса предопределяют ценностный ряд, структурирующий представления о политическом мире. Так, в системе социально-политических и личных ценностей для подавляющего большинства респондентов ценности безопасности и стабильности являются важнейшими смыслообразующими доминантами.

«Я» в региональном / российском / глобальном пространстве. Осознание себя и понимание своего места в современном мире в ответах респондентов не имеют четких пространственных границ, скорее им присуща неопределенность политической идентичности, где политический мир не являет собой законченную форму. В исключительных случаях самоидентификация носит патриотическую окраску, реже наблюдается локальный патриотизм. В этом контексте Томск, как и Россия, воспринимаются респондентами как места на карте, в любой точке которой видят возможность оказаться опрашиваемые. В большинстве случаев студенческая молодежь не связывает свое будущее с томским регионом, рассматривая Томск с его культурно-образовательным ресурсом лишь как стартовую площадку. При этом студенты рассматривают себя как часть глобального мира, глобальной культуры и осоз-

нают динамичность современного мира, в котором их мобильность рассматривается как необходимое и естественное качество.

Итак, современному глобальному воздействию культуры, выраженному в постоянном притоке новых знаний о мире, новых представлениях о своем месте в социально-политической организации, подвержена, прежде всего, студенческая молодежь как потребитель этой культуры. Это делает политическую ментальность более «разорванной», непредсказуемой, определяя риски политической социализации, обратной стороной которой является личностная стратегия «выживания» как выход из-под давления факторов тотальной «уязвимости», в которой место традиции как «защитного» элемента занимает центральная власть.

Характерные для томского регионального культурного контекста культурно-символические феномены, основанные на развитии научно-образовательного комплекса и относящиеся к «стратегии постоянного обучения и становления», имеют двойственный характер. Они как адаптируют томскую студенческую молодежь к современности, так и формируют риски политической социализации. Последнее определяется тем, что культура студенческой молодежи наиболее дисперсная, стимулирующая непредсказуемость. Этот процесс накладывается на ситуацию постоянного притока-оттока студентов и их ментальных представлений. Студенческая среда Томска формируется как трансформационное пространство, чьи структуры определяются культурными потребностями, связанными преимущественно с социальной, психологической и социально-экономической адаптацией.

В этом отношении политическая ментальность молодежи требует собственных контекстов включения в социально-политические стратегии региона, связанные с возрастными и социокультурными особенностями студенчества. Их направленность связана с формированием «базового доверия» к региону как месту жизни, самореализации. Но эта направленность может расходиться с ведущими институтами социализации региона, к которым относятся, в частности, вузы, ориентирующиеся на глобальный мир. Молодой человек как бы выталкивается в глобальный мир, где ему предлагают жить и самореализовываться.

Разрозненность структур политической ментальности студенческой молодежи говорит о том, что ее основания претерпевают постоянные изменения. При этом структуры восприятия политического мира и его регионального плана в политической ментальности опрашиваемой части студенчества, на наш взгляд, приобретают не столько «становящийся», сколько во многом «мерцающий», ситуативный характер, проявляющий новые компоненты ментальности, вызванный неопределенностью «жизненных ситуаций».

Культурные представления о Томске как инновационном городе и месте самореализации не складываются как устойчивые. В представлениях томской студенческой молодежи не обнаруживается культурный символизм стратегий внешнего позиционирования томского региона как «обучающегося региона». В большей степени заметно то, что приоритеты конструирования политического мира и его регионального компонента в сознании опрашиваемой части студентов еще множественны, неоднозначны, неустойчивы, редуцирует которые отчасти образ центральной российской власти как традиционной основы институционального поля образовательных практик, в пространстве которых существует студенчество, что формирует интегральность политической «картины мира», потенциал доверия к региону как к «месту развития».

Литература

1. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений : в 4 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. 328 с.
2. Ришир М. Εποχή, мерцание и редукция в феноменологии // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. С. 209–226.
3. Князева Е.Н. Понятие «Umwelt» Якоба фон Икскуля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 30–45.
4. Мадзарелла Э. Будущее и эволюция: Человек, который не согласен уходить // Философский журнал. 2015. Т. 8, № 4. С. 47–67.
5. Политическая социализация российских граждан в период трансформаций / под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Новый хронограф, 2008. 552 с.
6. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
7. Щербилин А.И. Что же будет с Родиной и с нами? (Предвзятые заметки о российской политической науке и проблемах политического образования) // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 169–175.
8. Найман Е.А. Концепция «обучающегося региона» в современной социальной науке (аналитический обзор) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3. С. 114–124.
9. Кирдяшкин И.В., Скочилова В.Г. Исследование влияния культурно-символического «контекста» на политическую социализацию томской студенческой молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3. С. 23–32.
10. Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып.1. С. 130–150.

Kirdjashkin I.V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: kirdjshkin@mail.ru DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 18

SkochilovaVeronica G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: veronassk@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 18

THE STRUCTURE OF THE POLITICAL MENTALITY OF THE STUDENTS IN THE CULTURAL-SYMBOLICAL CONTEXT OF POLITICAL SOCIALIZATION: THE REGIONAL DIMENSION

Key words: *political socialization, cultural and symbolic context, political mentality, youth.*

Cultural-symbolical context of political socialization acts as a medium structuring the perception of the political world and mediates about the nature of power relations. The paper presents the study of the structural characteristics of political mentality of students and its relevance to the modern cultural-symbolical context of political socialization, including its regional dimension.

References

1. Bergson, A. (1992) *Sobranie sochineniy : v 4 t.* [Collected Works. In 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Moskovskiy klub.
2. Rishir, M. (2014) Εποχή, mertsanie i reduktsiya v fenomenologii [Εποχή, flickering and reduction in phenomenology]. In: Levinas, E., Henry, M., Marion, J.L., Merleau-Ponty, M., Rishiri, M., Vernet, R., Maldini, A. & Benoit, J. (*Post*)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami [(Post) phenomenology: New phenomenology in France and abroad]. Moscow: Akademicheskij proekt; Gaudeamus. pp. 209–226.
3. Knyazeva, E.N. (2015) Ponyatie “Umwelt” Yakoba fon Ikskyulya i ego znachimost' dlya sovremennoy epistemologii [The concept of “Umwelt” by Jakob von Uexküll and its relevance to contemporary epistemology]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 30–45.
4. Madzarella, E. (2015) Budushchee i evolyutsiya: Chelovek, kotoryy ne soglasen ukhodit' [Future and evolution. Man who absolutely ought to remain]. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 8(4). pp. 47–67.
5. Shestopal, E.B. (2008) *Politicheskaya sotsializatsiya rossiysskikh grazhdan v period transformatsiy* [Political socialization of Russian citizens during the period of transformation]. Moscow: Novyy khronograf.
6. Hobsbawm, E. (2000) Izobretenie traditsiy [The invention of tradition]. *Vestnik Evrazii*. 1. pp. 47–62.

7. Shcherbinin, A.I. (2003) Chto zhe budet s Rodinoy i s nami? (Predvzyatye zametki o rossiyskoy politicheskoy nauke i problemakh politicheskogo obrazovaniya) [What will happen to our Motherland and to us? Subjective notes on the Russian political science and political education problems]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 169–175.

8. Nyman, E.A. (2014) The concept of a “learning region” in contemporary social science (an analytical review). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(27). pp. 114–124. (In Russian).

9. Kirdyashkin, I.V. & Skochilova, V.G. (2015) Investigations of the influence of cultural and symbolic “context” on political socialization of Tomsk students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(31). pp. 23–32. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/31/3

10. Ulanovskiy, A.M. (2007) Fenomenologicheskiy metod v psikhologii, psikhologii i psikhoterapii []. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 2(1). pp. 130–150.